

Никогда не прихожу в дом без приглашения

Франко ДЗЕФФИРЕЛЛИ — последний из могикан гениальной плеяды итальянских режиссеров XX века — провел одну декабрьскую неделю в Москве. Три дня на сцене Большого театра шла его восьмая версия вердиевской «Травиаты». Журналистам была предоставлена возможность общаться с 80-летним маэстро лишь на пресс-конференции, данной им накануне премьеры спектакля на сцене Большого театра. Поэтому я позволила себе дополнить ответы легендарного флорентийца цитатами из других его интервью.

«Взволнован и потрясен»

— Меня переполняют эмоции оттого, что я приехал в самое сердце русской культуры — в знаменитый Большой театр. — Я с детства слышал это слово: «Большой, Большой, Большой...» И вот, наконец, нахожусь здесь со своими артистами. И это чудо... Когда я получил приглашение приехать в Москву, то был взволнован и потрясен. Когда же узнал, что меня просят привезти «Травиату», которую я поставил в минувшем году в самом крошечном оперном театре мира — Театре Джузеппе Верди в Бусето, то мое волнение превратилось в счастье.

— Откуда такая любовь к русской культуре?

— Моя театральная дорога началась с постановки Лукино Висконти чеховских «Трех сестер» в 1952 году, которую я оформил. Линографуры ее сценографии я привез даже в Москву. Это огромная удача — начинать с Чехова. Я верю в судьбу, в положительную энергию. Для меня чрезвычайно важно, что моя жизнь в театре началась с такой позитивной ноты. Русская культура оказала огромное влияние на мое формирование и на весь творческий путь. Я восхищаюсь страной, которая так много сделала и продолжает делать для мирового искусства... Когда думаю о «Травиате», то нахожу очевидные параллели между русской и итальянской оперой. Я вижу связь, которая объединяет персонажей Чайковского, Мусоргского и героев Верди. Все они эмоциональны, чувственны и романтичны. Я очень рад, что все мы, любители театра, чувствуем, чем обязаны русскому гению. Для меня лично это имеет огромное значение.

...Так случилось, что Франко был внебрачным ребенком. Его родители — замечательные люди. Но они влюбились друг в друга, когда у мамы было уже трое детей да и папа был тоже женат. Их роман вызвал скандал во Флоренции, где они были очень известны. К несчастью, мамы не стало, когда мальчику было всего шесть лет. Он жил с тетушкой. Отец руководил его воспитанием на расстоянии. Поскольку он был антономом и хотел сделать из сына джентльмена, то и поручил его английской гувернантке мисс Мэри О'Нил. Она-то и привила Франко любовь к Шекспиру и опере. И это она не раз читала ему и изображала Ромео и Джульетту, и их печальная повесть о любви была вызубрена им с самого детства, и он ставил ее множество раз. И это мисс Нил рассказывала своему воспитаннику о разных театрах мира, и о Большом в том числе...

— Какое же впечатление произвел на вас Большой театр?

— О! Большой, бесспорно, входит в пятерку ведущих театров мира. Мне очень нравится дух, который витает здесь в воздухе. Но само здание нуждается в обновлении. Министру культуры, как мне кажется, нужно было бы выделить большую сумму, чтобы привести в порядок технические оснащение театра, сцену, свет, которого явно не хватает, гримборные... Однако реставрировать — не значит все поменять. Важно сохранить уникальную акустику Большого, его неповторимую атмосферу.

— Как вы адаптировали свою «Травиату» для сцены Большого?

— В Бусето ширина просцениума всего семь с половиной метров. Мы сделали специальные декорации для Большого — черной ступенчатый полукруглый станок во всю ширину сцены и прозрачную высокую вращающуюся конструкцию, удобную для входов и выходов актеров... Мне не хотелось, чтобы опера от этого переноса потеряла ощущение камерности, интимной драмы, связывающей трех людей. Для большинства слушателей «Травиата» — мелодраматическая история блестящей французской куртизанки, любящей жизнь, веселой, даже легкомысленной. Идея же Верди совсем в другом, что мне и было чрезвычайно важно воплотить. На пороге смерти Виолетта встречает любовь, от которой все время стремилась убежать. Эта идея звучит уже в трогательной прелюдии первого акта, намекающей на преждевремен-

ный уход героини из жизни. Опера наполнена философией, дышит ею изнутри, она вся сосредоточена на человеческих чувствах...

...Надо сказать, что «Травиата» задумывалась по проекту Фонда Артуро Тосканини как миниатюрный спектакль. Будем раньше режиссер уже осуществил в Бусето постановку «Аиды» — оперы героической и масштабной. Но для зала на триста мест он сделал ее камерной и интимной, и она имела успех. Так же Дзеффирелли поступил и с «Травиатой». В обоих случаях играл оркестр и пел хор Фонда Тосканини. На премьере дирижировал Пласидо Доминго. Для показа спектакля на сцене Большого театра были приглашены дополнительно оркестранты, певцы и балетная труппа из Мадрида с прима-балериной Лусией Реал. Итальянский десант высадился в Москве в составе 250 человек. Прилетел и правопреемник Джузеппе Верди — 28-летний Анджело Каррара-Верди. Он — внук того самого финансового директора композитора, которого Джузеппе Верди усыновил, поскольку у него не было своих детей. Приемному сыну Верди завещал все свои авторские права...

Время великих примадонн ушло

— Что вы скажете об исполнительницах вашей постановки?

— Я работал со всеми ведущими мастерами оперного искусства XX века. Думаю, что время великих примадонн ушло. Нет Каллас. Нет Тебальди. Нет Монсеррат Кабалье. Но и в настоящее время есть выдающиеся мастера вокала, достойные предшественников. Партию Виолетты в нашем спектакле исполняет Стефания Бонфаделли, певица с роскошным сопрано. Она — уроженка Вероны. Ее международный дебют состоялся шесть лет назад. За это время она сделала отличную карьеру. В это же время заявил о себе и молодой тенор Массимо Джордано из Триеста. Он исполняет партию Альфреда. Рад, что с нами и прекрасный баритон Ренато Брузон, поющий Жоржа Жермона.

— Маэстро, в памяти многих кинозрителей ваш великолепный фильм «Травиата» с Пласидо Доминго и Терезой Стратас, снятый в 1982 году. А вы снова и снова возвращаетесь к этому сочинению Верди и вот уже показываете ее восьмую версию, почему?

— Вероятно, потому, что гениальная музыка Верди живет в моем сердце. Но должен заметить, что со времени своей первой постановки «Травиаты» я ничего в ее концепции не менял. Новыми были лишь антураж, какие-то детали, технические приемы. Знаю, что от меня ждут роскошного гала-представления, но каждая моя версия остается довольно сдержанной.

— С кем из русских артистов вам довелось поработать?

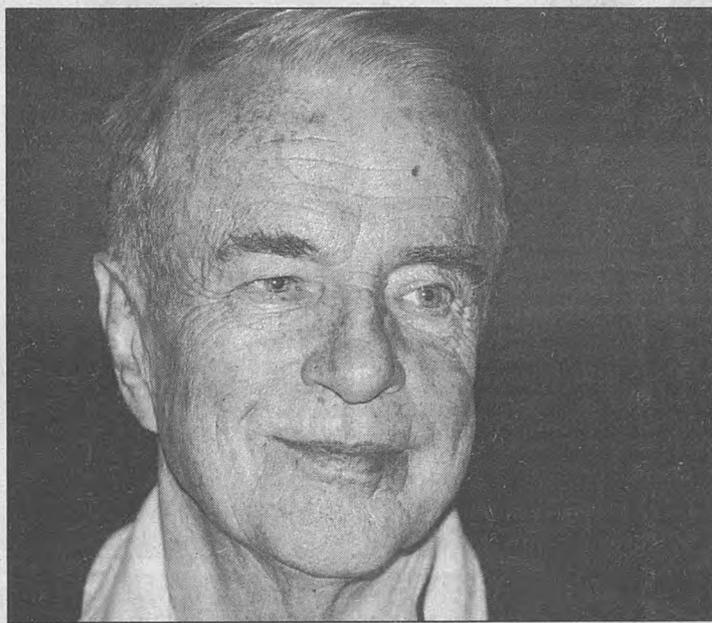
— В моем фильме «Травиата» танцевали Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Мы хорошо потрудились с Еленой Образцовой, когда делали в Ла Скала «Сельскую честь». Мне радостно вспоминать всех, кто был рядом со мной все эти годы, — певцов, музыкантов, танцовщиков. Со всеми мне было интересно работать. Я слушаю русских певцов на многих сценах мира. И понимаю, что без них невозможен мировой оперный театр. У многих потрясающие природные голоса, которым не нужны никакие академии и консерватории. Научить такому просто невозможно. Эти голоса настолько богаты, что по своей органике напоминают негритянские...

— Есть ли разница в методах вашей работы с актерами кино, драмы или оперы и балета?

— Никакой. Главное для меня всегда — выразить авторский замысел и душу того произведения, которое я ставлю в данный момент.

— Помогает ли в работе ваше образование архитектора?

— Конечно. Это ощущение пространства, восприятие постановки как математической задачи, как уравнения, где нужно найти единственное возможное решение. Партитура — это тоже ведь чистая математика.

Ф. Дзеффирелли

...Стоит напомнить, что Франко Дзеффирелли десять лет был ассистентом у великого Лукино Висконти. После того как он оформил висконтиевские «Три сестры» и эта работа имела широкое признание, Дзеффирелли получает приглашение в Ла Скала делать декорации для российской «Золушки». Однако молодой человек согласился лишь при условии, что ему доверят и саму режиссуру. Так в 1953 году он стал оперным режиссером. А после работы над фильмом «Угрожение строптивой» с Элизабет Тейлор и Ричардом Бартоном в 1966 году он начал снимать и кино. Экранизировал «Ромео и Джульетту», «Гамлета», «Отелло»... Последняя его работа в кино — «Каллас навсегда».

«Она искала абсолюта в искусстве»

— Маэстро, фильм «Каллас навсегда» был показан на последнем Московском кинофестивале. К нам прилетела Фанни Ардан, удивительно тонко и проникновенно сыгравшая вашу героиню. Актриса сказала, что ваш фильм — об одиночестве художника и не только Марии Каллас, но и о вашем, и ее собственном. Так ли это?

— Конечно, так. Художник ежедневно ведет диалог с самим собой. И часто этот диалог бывает очень трудным... А главное чудо картины — сама Фанни Ардан. Никогда не думал, что мне удастся найти актрису с таким же темпераментом, характером и духовной наполненностью, как и у Марии Каллас.

— Какой была эта удивительная певица?

— На сцене Каллас существовала в каком-то тумане, так как была близорука и плохо видела. И менялась полностью. Мария обладала магией. На сцене действительно происходило что-то сверхчеловеческое, неземное... Она была там как одержимая... Певицей ее сделал знаменитый Туллио Серафин, а актрисой — Лукино Висконти. Он буквально вошел в жизнь Каллас где-то в 1954 году со всем своим авторитетом, блеском, мужским обаянием. В нем было все, чтобы сделать ее несравненной примадонной. Он научил ее играть на сцене. А она была превосходной ученицей. И у нее была колоссальная воля. Помню, как Мария посмотрела фильм «Римские каникулы» с Одри Хепберн и загорелась желанием выглядеть такой же нежной и изящной, как она. И добились этого.

— А как вы работали с Каллас?

— В 1963 году мы поставили с ней два спектакля: в Ковент-Гарден — «Тоску», а в Гранд-Опера — «Норму» и потом меняли их. Последняя стала для великой певицы мучительным испытанием. Однажды в последнем акте у нее не получилось верхнее до — сорвался голос. Публика взорвалась от возмущения, оркестр перестал играть. Каллас, бледная как полотно, минуту стояла молча. Потом подняла руку, прося о тишине, и спела второй раз, взяв наконец эту ноту. Зал был потрясен. Многие плакали... Ну и что, что она сорвалась на высокой ноте? Разве это может сравниться с тем артистическим впечатлением, какого на моей памяти не производил на публику никто... Когда ее не стало, я по-настоящему заплакал, как ребенок. Думаю, что если бы мы, ее друзья, были бы ближе к ней, больше давали бы ощущения жизни вокруг нее, то она бы так рано, в 53 года, не умер-

ла. Я чувствовал себя очень виноватым.

— Когда пришло решение сделать фильм «Каллас навсегда»?

— Я вынашивал его двадцать лет. Мне хотелось показать Марию как женщину, как она жила, как любила и как страдала. И рассказать о Каллас как о великой певице, о том, что за ее прекрасным голосом скрывалось вечное стремление к совершенству, что она искала абсолюта в искусстве, а это то, о чем многие даже и не догадываются. Это еще история о великом профессионале, который не может пойти на компромисс с самим собой, со своим творчеством. Дойдя до самых высот в искусстве, Каллас, почувствовав проблемы с голосом, решила, что ей нельзя опускать планку и что она не имеет права больше выходить на сцену. Великая певица не хотела, чтобы публика встречала ее снисходительно, вспоминая былые удачи... Для нее это была еще одна, помимо любовной, трагедия жизни. Я пытался вернуть ее на сцену. Мы почти уговорили ее спеть с молодым тогда Пласидо Доминго «Федору» Джордано. Однако после долгих раздумий она все же отказалась... Мария говорила, что если и вернется на сцену, то ее должны принимать за то, что она есть, а не за то, чем была. Ее натуре были чужды компромиссы...

«Мы всегда в контакте»

— Маэстро, бывали ли вы раньше в России?

— Никогда не прихожу в дом без приглашения... Но я приезжал в Москву для переговоров лет пятнадцать назад. Однако мы всегда в контакте: вы смотрите мои фильмы, Ла Скала уже привозил на гастроли два моих спектакля — «Богему» и «Турандот». А в прошлом году в Кремлевском дворце шла моя римская постановка «Тоски». И я много работаю с вашими мастерами. Читаю также ваших писателей, слушаю вашу музыку, смотрю ваши спектакли и фильмы. Не ошибусь, если скажу, что каждый режиссер мечтает поставить что-то из русской классики.

— О чем сами мечтаете?

— Я так потрясен приемом, оказанным мне и моей труппе московской публикой, что признаюсь в сокровенном. Я тайно давным-давно мечтаю снять у вас чеховских «Трех сестер» и поставить пушкинского «Евгения Онегина»... Впрочем, я уезжаю домой с твердым намерением вернуться в Москву...

...К слову сказать, Дзеффирелли подарил линогравюру своего оформления чеховских «Трех сестер» в постановке Лукино Висконти одному из авторов проекта показа его «Травиаты» в Москве — члену совета директоров Альфа-банка Александру Гафину. «Мне очень жаль», — заметил Гафин в разговоре со мной, — что маэстро ничего не удалось поставить в Большом театре. Надеюсь, что здоровье позволит Дзеффирелли еще поработать у нас. Полагаюсь также на здравый смысл администрации Большого театра и выражаю надежду, что она сможет приласкать великого режиссера для постановки на своей сцене. Не сомневайтесь, что и какому-нибудь московскому драматическому театру, скажем МХАТу, было бы интересно сделать нестандартный ход и предложить Дзеффирелли поставить тех же «Трех сестер»...

Материал подготовила
Лидия НОВИКОВА
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
("Газета")

Кузнецова. — 2003 — 25 Дек. — с. 14